

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

СИТУАЦИЯ В ЛИВИИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

© 2020 А. ВАСИЛЬЕВ, Л. ИСАЕВ, А. ТКАЧЕНКО, В. КУКУШКИН, Н. ЖЕРЛИЦЫНА

DOI: 10.31857/S032150750009872-1

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович, академик, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» (dir@inafr.ru)

ИСАЕВ Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ; ст.н.с. ИАФР РАН и РУДН (isleonid@yandex.ru)

ТКАЧЕНКО Александр Алексеевич, к.э.н., заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога ИАФР РАН (alexander.tkaachenko@inafr.ru)

КУКУШКИН Владимир Юрьевич, к.э.н., ст.н.с. ИАФР РАН (kukushkin2003@yahoo.com; vlurk@yandex.ru)

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна, к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН; доцент РУДН (ns_inafr@mail.ru)

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Резюме. После убийства М.Каддафи Ливия распалась на конгломерат из нескольких квазигосударств, созданных оппозицией различных цветов и оттенков, враждующих между собой крупных территориальных фрагментов или центров организованного насилия, иногда даже претендующих на государственный статус, и бесчисленное количество мелких образований. Линии дезинтеграции прошли по административным границам трех областей - Триполитании, Киренаике, Феццан. Развал государственности и безопасности углубился настолько, что страна стала ареной регионального и международного соперничества.

Ключевые слова: Ливия, Каддафи, гражданская война, «арабская весна», Россия

LIBYA AND INTERESTS OF RUSSIA

Alexei M. VASILIEV, member, Russian Academy of Sciences (RAS); honorary President, Institute for African Studies, RAS; Head, Chair, African and Arab Studies, Russia's Friendship University (RUDN University); Editor-in-Chief, "Aziya i Afrika segodnya" journal (dir@inafr.ru)

Leonid M. ISSAEV, PhD (Political Science), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS, and RUDN University (isleonid@yandex.ru)

Alexander A. TKACHENKO, PhD (Economics), Head, Center of North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, RAS (alexander.tkaachenko@inafr.ru)

Vladimir Yu. KUKUSHKIN, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS (kukushkin2003@yahoo.com; vlurk@yandex.ru)

Natalia A. ZHERLITSYNA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS; Associated Professor, RUDN University (ns_inafr@mail.ru)

Abstract. Currently, there are two opposing "governments" in Libya: the Faiz Saraj's Government of National Accord in Tripoli, recognized by the international community, and the cabinet of ministers in the east of the country, which is supported by the Libyan National Army led by Khalifa Haftar and relies on the "legitimate" parliament - the House Representatives.

So far, attempts by the parties to come to a settlement within the framework of a political agreement have not yielded results. Meanwhile, it was the civil war and the difficult social and economic conditions associated with it, the collapse of state administration, the inaction of laws, the flourishing of violence that are key factors in the presence of radical jihadist groups in Libya. In April 2019, Haftar announced the start of an offensive on Tripoli. The offensive soon lost momentum, as forces in western Libya associated with the Government of National Accord joined forces to prevent the advance of Haftar's troops. This event is noteworthy not only because Haftar failed to overcome the resistance of the forces of the Government of National Accord, but also because the more tangible the prospect of the capture of the capital by the Libyan national army became, the fewer allies remained within Libya itself.

Despite the intricacies of the Libyan civil conflict, a more or less stable system of checks and balances has developed within the country, which does not allow any of the forces to occupy a dominant position in the military-political system of Libya. The situation is still stalemate.

Keywords: Libya, Qaddafi, civil war, Arab Spring, Russia

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

19 января 2020 г. в Берлине состоялась очередная конференция по урегулированию ливийского кризиса. В ней приняли участие Россия,

США, Франция, Великобритания, Китай, Германия, Турция, Италия, Египет, ОАЭ, Алжир, Республика Конго, представители ООН, ЕС, Африканского Союза и Лиги арабских государств.

Был на саммите и Фаиз Сарадж, глава признанного международным сообществом Правительства национального согласия (ПНС), но контролирующего лишь небольшую территорию на западе Ливии. И маршал Халифа Хафтар - его Ливийская национальная армия (ЛНА) осаждает Триполи.

Главным итогом конференции в Берлине стали призыв ее участников к прекращению огня в Ливии и обязательство воздержаться от вмешательства в конфликт, соблюдать эмбарго на поставку вооружений сторонам. Участники встречи предложили создать комитет по контролю за выполнением договоренности о прекращении огня.

Страны-участницы признали центральную роль ООН в содействии межливийскому политическому процессу и процессу примирения и призывали Совет Безопасности ООН ввести санкции в отношении нарушителей режима прекращения огня, а государства-члены ООН - обеспечить их выполнение.

Кроме того, участники конференции предложили создать механизм экономического восстановления для Ливии под контролем будущего единого правительства. В итоговом документе содержится также призыв ко всем сторонам конфликта гарантировать безопасность нефтяных объектов и воздержаться от любых враждебных действий в отношении нефтяной инфраструктуры [3; 4].

Диапазон оценок итогов Берлинской конференции весьма широк: от утверждений о ее полном провале до надежд, что она стала существенным продвижением вперед. Но, в целом, преобладают умеренные оценки: это очередной шаг на пути ливийского урегулирования. Отмечается, что конференция открыла дорогу для посредничества с целью урегулирования ливийского конфликта путем переговоров под эгидой ООН. Она продвинула механизм прекращения военных операций и идею о необходимости опираться на переговоры.

Шансы на успех Берлинской конференции могут быть оценены только спустя какое-то время. Остается «вопрос вопросов»: будут ли эффективными меры, выработанные международными акторами, в условиях, когда их интересы и позиции существенно расходятся? Удается ли предотвратить реальную опасность интернационализации конфликта в особенности под влиянием возможного ослабления позиций одной из конфликтующих ливийских сторон, готовности Турции оказывать широкомасштабную военную помощь Ф.Сараджу, а сторонникам Ливийской национальной армии - расширить её поддержку?

Значительный скепсис вызывает возможность формирования единого центра власти с участием нынешних основных политических фигур - слишком велик груз накопленных межличностных проблем. Скорее всего, преодолеть эту несовместимость удастся лишь в ходе общенациональных

выборов - президентских и парламентских. Однако они уже длительное время переносятся на более поздние сроки, и перспективы их проведения не очевидны [1; 2].

Политический процесс при самых благоприятных условиях может, вероятно, проходить несколько этапов: реализация уже достигнутых договоренностей по ключевым проблемам; постепенное налаживание электорального процесса; достижение устойчивости в деятельности вновь избранных органов/ветвей власти. На каждом из этапов возможен срыв с перспективой очередной вспышки гражданской войны.

Берлинский документ принят в качестве резолюции Совбезом ООН. Делегация РФ воздержалась при голосовании. Москва считает позитивными все пункты резолюции, но сомневается в готовности внутренних и внешних акторов их выполнять. Этой готовности пока нет.

КИРЕНАИКА И ЛИВИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ

Поскольку главный город Киренаики был освобожден от войск Каддафи в то время, когда вокруг столицы соседней Триполитании (и всей Джамахирии) еще продолжались бои, среди части местных «революционеров» возникла идея: воспользовавшись вакуумом власти, перенести столицу из Триполи в Бенгази. Это было вполне объяснимо, поскольку для многих обитателей Киренаики «революция 2011 года» стала восстанием не только против режима Каддафи, но и против гегемонии Триполитании [5].

Уместно отметить, что ливийский Восток смог сохранить свою историческую идентичность даже в период итальянской оккупации (1927-1943 гг.), причем местные жители никогда не отождествляли себя с населением ливийского Запада. Ограниченность коммуникаций и разорванность политического пространства, отличавшие Ливию в османскую эпоху, оборачивались тем, что восточная часть этих владений султана тяготела к Египту, а западная их часть ориентировалась на страны Магриба, и в особенности - на Тунис.

Режим Каддафи никогда не доверял местным элитам, поскольку именно Киренаика была вотчиной суфийского ордена Сенусийя, с конца XIX в. выступавшего серьезной социально-экономической силой всего региона Сахары и Сахеля, а также давшего стране ее первого (и пока единственного) монарха [6].

Так, после переворота 1969 г. в столице региона - Бенгази базировались элитные подразделения, рекрутируемые исключительно в лоялистских общинах Триполитании. Конфликт Запада и Востока тлел на протяжении всех четырех десятилетий (1969-2011 гг.), отведенных историей правлению Каддафи. Разумеется, после крушения диктатуры противоречия не могли не выйти на

поверхность. Привилегии, на которых настаивали в Бенгази, основывались не только на стародавнем, хотя и героическом, сопротивлении итальянским оккупантам, но и на более весомых аргументах: в регионе, на который приходились около половины ливийской территории и более трети населения Ливии, располагаются самые крупные и производительные нефтяные месторождения, ранее обеспечивавшие три четверти национального дохода. Неудивительно, что именно в Киренаике после 2011 г. громче всего звучали голоса, настаивавшие на «федерализации» Ливии [7].

Результатом этих распрей - словесных и не только - стало то, что «революционные» власти Киренаики отказали «революционным» властям Триполи в признании, тем самым ослабив и без того немощное центральное правительство. Из-за этого конфликта международно признанный ливийский парламент (Палата представителей Ливии) по-прежнему работает не в Триполитании, где расположена национальная столица, а в находящемся на территории Киренаики захолустном Тобруке (12-й по численности населения город страны). Кстати, именно этот орган в феврале 2015 г. утвердил Х.Хафтара на посту главнокомандующего ЛНА, с чем категорически не согласилось правительство в Триполи.

Кроме того, бесспорное, на первый взгляд, территориальное и численное превосходство ЛНА не должно вводить в заблуждение. Ее внутренний состав настолько разнороден - от остатков войск Каддафи, иностранных наемников до умеренных исламистов, - что практически не вызывает сомнений ситуативный характер этого военно-политического союза. Несмотря на распространенное мнение об исключительно светском характере ЛНА, до трети ее состава составляют боевики различных исламистских группировок, связанных с Саудовской Аравией. По большей части это последователи саудовского богослова Раби аль-Мадхали, в 2016 г. издавшего фетву о необходимости поддержки Х.Хафтара. Их альянс с ЛНА обусловлен, в первую очередь, неразрешимыми противоречиями с идейными конкурентами в лице «Братьев-мусульман» и иных сторонников политического ислама, поддерживающих Правительство национального согласия в Триполи.

Разумеется, как справедливо отмечают наблюдатели, «наличие отрядов салафитов в одном лагере с ЛНА подрывает репутацию Хафтара как бескомпромиссного борца с джихадистами» [8]. Еще одно обстоятельство, играющее не в пользу Хафтара, - иностранные наемники, представленные в его частях такими группировками, как Суданская освободительная армия или Фронт перемен и согласия в Чаде. Именно они сыграли важную роль в военных операциях по захвату и удержанию некоторых ключевых нефтяных месторождений. Иначе говоря, любая фракция ЛНА не постесняется сменить союзников, если только это

покажется более выгодным. Хотя, разумеется, нельзя отрицать и того, что фигура «объединителя нации», на лавры которого претендует маршал из Бенгази, остро востребована ливийским обществом, изнуренным многолетней и безысходной войной [9].

ФЕЦЦАН

Южная область Феццан, населенная преимущественно кочевниками, хотя и не только ими, в 2013 г. тоже объявила о своей автономии, создав Верховный совет Феццана. В его ведение были переданы формирование региональной армии, содержание судебной и полицейской системы, защита провинциальных границ, а также контроль над нефтяными и газовыми месторождениями. По заявлениям здешних старейшин, этот шаг был сделан из-за слабости центральной власти и игнорирования ею потребностей южан. Важно отметить, что инициаторами этого политического демарша, не имевшего, впрочем, видимых последствий, выступили племена, ранее тесно сотрудничавшие с правительством Каддафи, - *кадафа*, *магарха* и *туареги* [10].

Ливийская часть Сахары, помимо Феццана включающая в себя и южную окраину Киренаики, в годы правления Каддафи вообще считалась оплотом режима (как, кстати, и горы Нафуса, о которых речь пойдет ниже). Но если феццанские арабы и туареги легко находили взаимопонимание с властями Каддафи, то третья составляющая населения Юга, а именно народность *тубу*, которая насчитывает в Ливии около 50 тыс. человек и живет на юго-западе страны, подвергалась жестокой маргинализации - и потому инициативу лоялистов, желавших обособиться от нового режима, не поддержала. Эти темнокожие кочевники, основная масса которых расселена в соседних Чаде и Нигере, устав от засух конца 1970-х - начала 1980-х гг., зачастую искали прибежища в пухшей от нефтедолларов Ливии. Местные власти, однако, подвергали их агрессивной арабизации, подавляя развитие культуры и языка [11].

В итоге, созданная тубу вооруженная милиция сумела даже принять участие в «охране» находящихся на территории Киренаики нефтяных месторождений. В последние месяцы ополченцы тубу стали важным подспорьем Ливийской национальной армии Хафтара, приступившей в январе 2019 г. к «зачистке» южных регионов страны и восстановлению контроля над местными нефтяными объектами.

Понятно, что подобное взаимодействие не может не вызывать недовольства у южных арабов и туарегов, традиционно конкурирующих с тубу за территории, ресурсы и торговые пути. Особенно болезненно на подъем тубу реагировали туареги, которые с уходом Каддафи лишились влиятельного защитника.

ТРИПОЛИТАНИЯ, ПНС И ЕГО СОЮЗНИКИ-КОНКУРЕНТЫ

После свержения диктатуры «революционерам», обосновавшимся в Триполи, так и не удалось консолидировать власть. Помимо признанного ООН Правительства национального согласия, которое возглавляет Ф.Сарадж, в ливийской столице действует и Высший государственный совет под руководством Халеда аль-Мишри - консультативный орган, созданный в соответствии с Ливийским политическим соглашением 2015 г. для содействия кабинету министров из Триполи и парламенту из Тобрука.

Эти структуры откровенно не ладят между собой, причем ни одна из них не способна реализовать свои полномочия даже в пределах столичного региона, не говоря уж о стране, в целом. Правительство, опирающееся на несколько вооруженных формирований общей численностью около 6000 бойцов, выглядит мощнее, но его силовой потенциал гасят поделившие Триполи между собой 25-30 вооруженных группировок.

Сегодня ни главный город Ливии, ни западная часть страны, в целом, не имеют фактически никакой центральной власти. Именно здесь ярко раскрывается проблема самовластья неуправляемых ополчений, численность бойцов которых с падением старого режима не только не сократилась, но, наоборот, постоянно множится. Объяснение, впрочем, лежит на поверхности: вооруженная милиция - это, в первую очередь, доходный бизнес, у которого в современной Ливии просто нет альтернативы.

Разнообразие вооруженных группировок, ополчений, отстаивающих те или иные местнические интересы и не умеющих договариваться между собой, пресекло вызревание в постреволюционной Ливии нового центра власти. В этом отношении показателен именно опыт Триполитании, где в 2011-2013 гг. оформились сразу несколько центров влияния, позволяющих себе не считаться с заседающими в Триполи «революционными» политиками и их вооруженными отрядами, тоже опирающимися на военную силу и нередко враждующими между собой.

В этой роли выступили: а) третий по величине ливийский г. Мисурата, население которого превышает 500 тыс. человек; б) примыкающий к границе с Тунисом горный массив Нафуса, в котором расположен имеющий выраженную специфику г. Зинтан, а также проживает полумиллионное национальное меньшинство ливийских берберов (амазигов); в) находящийся между Триполи и Бенгази портовый город Сирт.

В каждом из перечисленных мест сложилось свое ядро вооруженных акторов, активно применявших насилие для продвигания собственных интересов. Сирт, впрочем, в последнее время свое самостоятельное значение утратил, поскольку

обосновавшийся здесь единственный в Ливии оплот «Исламского государства» (ИГИЛ) к настоящему моменту полностью уничтожен объединенными усилиями прочих ливийских формирований и международных игроков.

Военный совет Мисураты, который, по некоторым данным, имеет сейчас в своем распоряжении 6-8 тыс. бойцов, был сформирован в ходе осады этого стратегически важного города войсками Каддафи.

В разгар противостояния в 2011-2012 гг. в бригадах Мисураты состояли 30 тыс. бойцов, принадлежавших к 200 различным мини-группировкам. Это означает, что здешние вооруженные формирования, несмотря на нынешнее снижение численности, сохраняют большой мобилизационный потенциал [5, р. 101]. Из-за того, что город избрали своей базой ливийские «Братья-мусульмане», его военно-политические структуры получают помощь от Катара и Турции - своих традиционных спонсоров. Это, соответственно, означает, что местные ополченцы считают своим главным противником Хафтара с его Ливийской национальной армией, у которого совсем иные спонсоры.

Правда, боевой дух местной армии имеет и оборотную сторону: во время боев с подразделениями Каддафи и в ходе захвата Триполи ополченцы из Мисураты отличились необычайной жестокостью, в массовом порядке пытая и расстреливая бывших лоялистов.

После падения Каддафи возвысившейся в Триполитании Мисурате бросил вызов небольшой - около 20 тыс. жителей - город Зинтан, находящийся в горах Нафуса. Два преимущества этого горного массива: относительная изоляция, обеспечившая региону спокойствие даже в период наиболее острой фазы войны, и непосредственный выход к границам с Тунисом, Алжиром и Нигером - позволили области Нафуса стать самостоятельным центром влияния.

Более уместно, впрочем, множественное число, поскольку общины, проживающие в этом горном массиве, различаются не только по политическим, но также по религиозным и этническим критериям. Если окрестности Зинтана, населенные суннитами, при Каддафи считались оплотом лоялистских настроений, то компактно обосновавшееся в горах берберское меньшинство (амазиги), напротив, в те годы подвергалось гонениям. Ливийские берберы исповедуют *ибадизм* - направление в исламе, заметно отличающееся и от суннизма, и от шиизма [12].

Впрочем, если Зинтан и колебался, то не слишком долго. Каддафи с почтением относился к этому городу, поскольку местные уроженцы годами пополняли его офицерский корпус, а здешними рекрутами комплектовали элитные войска режима. Однако, когда Каддафи попытался привлечь Зинтан к подавлению восстания 2011 г., он не встретил поддержки. Вместо этого руководители

города учредили Военный совет Зинтана, формирования которого, во-первых, не позволили войскам Каддафи взять горы Нафуса под свой контроль, а во-вторых, не допустили их к границе с Тунисом, имеющей стратегическое значение для противоборствующих сторон. При этом Зинтан отказался передать свое ополчение под начало также воевавшего с диктатором Национального переходного совета, основанного в Триполи.

Бригады Зинтана участвовали в захвате ливийской столицы, где прославились тягой к мародерству и грабежам. Вместе с тем, их боеспособность и плотные связи с бывшими спецслужбами Каддафи позволили Военному совету Зинтана на первых порах взять под контроль аэропорт Триполи (правда, ненадолго) и, что еще важнее, главные нефтяные месторождения юго-западной Ливии (Элефант и Шарара). Важным «козырем» в политическом торге, который Зинтан вел с Национальным переходным советом, оказался пленный его ополченцами сын Каддафи Саиф аль-Ислам, который несколько лет содержался в местной тюрьме, а в 2015 г. был отпущен на свободу. В настоящее время бригады Зинтана, составляющие 3-6 тыс. бойцов, выступают важным союзником Ливийской национальной армии маршала Хафтара в западной части страны.

Что касается ливийских берберов, численность которых составляет около полумиллиона человек, то сформированный ими в дни восстания Верховный совет амазигов опирается на 6-тысячную милицию и защищает, в первую очередь, безопасность этого национального и религиозного меньшинства. Его главными программными лозунгами остаются прекращение «политики арабизации», обеспечение берберам языкового равноправия и предоставление им гарантий участия в предстоящей разработке национальной конституции.

НЕФТЬ

Ливийцы устали от гражданских войн и стремятся к какому-то соглашению. На этот раз, в отличие от середины XX столетия, они идут к переосмыслению природы собственной государственности; их подталкивают не иностранные державы, но запросы самой ливийской жизни. Основным фактором, стимулирующим этот процесс, выступает неоспоримый военно-политический факт: ни одна из вооруженных группировок, действующих в Ливии, не способна взять под монопольный контроль углеводородные богатства страны. Причем новый раунд гражданской войны, открывшийся в 2014 г. и расколовший страну как бы напополам в указанном отношении, ничего не изменил.

Констатация патовой ситуации важна еще и потому, что в Ливии, в отличие от Сирии или Ирака, топливно-энергетическая инфраструктура практически не была разрушена, несмотря на дол-

гие годы внутреннего противостояния и внешней интервенции, и в периоды мирных интерлюдий незамедлительно включалась в работу, принося ее обладателям немалые средства. Безусловно, в каждом конкретном случае ливийские нефтегазовые объекты кто-то контролирует. Но ключевая деталь в том, что подобных контролеров слишком много: у одних группировок в руках добыча сырья, у других - переработка, у третьих - доставка, у четвертых - получение финансовых средств. Полный же цикл пока недоступен никому, поскольку противоборствующим сторонам не хватает сил, чтобы заполнить всю производственную цепочку целиком.

Накануне возобновившейся острой фазы военно-политической и социально-экономической ситуаций в Ливии уровень добычи нефти там измерялся 1,23 млн баррелей в день (61,5 млн т в год) за ноябрь 2019 г. Осуществлялась также программа расширения производства до 2,1 млн барр/д (105 млн т/г) к 2023 г. [13].

В январе-апреле 2020 г. союзники ЛНА под командованием Х.Хафтара захватили, продолжают удерживать и полностью контролировать подавляющее большинство нефтепромыслов Ливии, а также ее инфраструктурных объектов, включая трубопроводы, хранилища, погрузочные терминалы в морских портах и, наконец, основные перерабатывающие мощности национальной нефтегазовой промышленности. Эти события привели к резкому сокращению отраслевого производства.

Согласно заявлению руководителя Ливийской национальной нефтяной компании (ННК), которая находится в Триполи и формально остается единственным международно признанным распорядителем нефтегазовых отраслей страны, на 5 апреля 2020 г. добыча нефти упала почти в 13,7 раза до 89 993 барр/д (менее 4,5 млн т/г). Фактически, в распоряжении ННК остаются лишь добывающие предприятия на морском шельфе Ливии, а также очень небольшая часть ее промысловых и перерабатывающих мощностей на суше в столичном регионе [14].

Этот уровень производства позволяет частично удовлетворять внутренние топливно-энергетические потребности Ливии, но практически исключает для нее любые возможности экспортных поставок. Соответственно, страна испытывает глубокий финансово-экономический кризис, лишившись почти единственного легального источника своих валютных поступлений. С 18 января 2020 г. (даты объявления ННК форс-мажорной ситуации в связи с действиями ЛНА) по 5 апреля потери от сокращения нефтяных доходов уже превысили \$3,957 млрд [15].

Почти одновременно Ливия, богатейшая страна Африки по доказанным запасам нефти, была втянута также в кризис энергетический. ННК была вынуждена 10 февраля 2020 г. остановить производство на крупнейшем нефтеперерабатываю-

щем предприятии Триполитании - заводе в г. Завия мощностью 120 тыс. барр/д (6 млн т/г). После этого западная часть страны перешла на импорт всех потребляемых там нефтепродуктов. Положение с моторным топливом на востоке оставалось значительно лучше, пока продолжал функционировать более мощный нефтеперерабатывающий комплекс в Рас-Лануфе. Однако резкое сокращение нефтедобычи неизбежно повлекло за собой столь же сильное падение производства попутного газа, оставив, по сути, без главного энергоносителя всю ливийскую электроэнергетику - как западную, так и восточную.

Например, Киренаика вынужденно остановила несколько электростанций в Бенгази и его окрестностях. Часть ливийских электростанций также вынуждена была переключаться на использование жидкого топлива, если только наличное генерирующее оборудование позволяло применить такую альтернативу [16]. Газоснабжения лишились и другие отрасли национальной промышленности, в особенности металлургия и основная органическая химия. А перебои в обеспечении электричеством, естественно, оказали сильнейшее негативное воздействие уже на всю экономику Ливии, включая жизненно важные сферы коммунального хозяйства.

С учетом многочисленных отрицательных последствий итоговые потери страны от резкого спада в ключевом комплексе нефтегазовых отраслей могут оказаться гораздо значительнее приведенных выше данных, которые учитывают, главным образом, прямой финансовый ущерб от приостановки отраслевых экспортных операций. В целом, ускоренное истощение валютных резервов Ливии - лишь один из самых опасных факторов, влекущих ее на край социально-экономической катастрофы.

Некоторые западные эксперты полагают, что именно финансовое «разорение» ПНС в Триполи составляет одну из главных задач позднейшей наступательной кампании Хафтара. Судя по прошлому опыту, властям Восточной Ливии и командующему ЛНА пока не удавалось «монетизировать» результаты своих военных успехов [17]. Например, не привели к практическим результатам многократные попытки создать на востоке страны альтернативу «западной» ННК. Потенциальные зарубежные контрагенты отказывались налаживать деловые связи с «дублером» государственной нефтегазовой компании в Триполи [18].

За день до международного саммита в Берлине 19 января 2020 г. силы ЛНА Хафтара блокировали основные нефтяные терминалы на Востоке Ливии. Этот акт был предпринят в попытке подорвать основной источник дохода страны в знак протеста против решения Турции направить военных советников и инструкторов для поддержки ПНС. Экспорт был приостановлен в портах Брега, Рас-Лануф, Аль-Сидра, Аль-Харига и Цвейти-

на - в «нефтяном полумесяце» страны, служащим каналом для большей части экспорта ливийской нефти.

Блокада силами Хафтара нефтяных терминалов, благодаря работе которых ПНС в значительной мере формировало бюджет, изменила расстановку сил в конфликте в пользу ЛНА. Традиционно доходы от нефти распределялись относительно равномерно, по крайней мере, что-то доставалось и Триполи, и Бенгази. Однако Хафтар, очевидно, с учетом, прежде всего, угрозы турецкой интервенции, предпринял некую демонстрацию силы.

Резолюции ООН называют ливийскую государственную нефтяную компанию, базирующуюся в Триполи - ННК, единственной организацией, которой разрешено управлять и продавать нефть страны, хотя Хафтар неоднократно предпринимал попытки сломать ее монополию.

Доходы Ливии от продажи нефти и золотовалютные резервы в размере \$80 млрд находятся в ведении правительства в Триполи. ПНС имеет больший, чем Хафтар, доступ к ресурсам из-за присутствия Центрального банка Ливии (ЦБ) в Триполи и монополии ЦБ на доступ к иностранной валюте.

Таким образом, на экономическом уровне противники Хафтара могут быть лучше подготовлены к тому, чтобы выдержать нынешнее обострение военной ситуации. Пример использования экономического давления ПНС на ЛНА - контроль Триполи над зарплатами государственных служащих по всей стране. И после того, как Хафтар начал штурм города, Сарадж приказал сократить выплаты тем, кто присоединился к ЛНА. Центральный банк пошел еще дальше, ограничив доступ к капиталу в своих банках в Восточной Ливии, ссылаясь на «нарушения», обнаруженные в финансовых учреждениях.

Хафтар контролирует сейчас две трети страны, но не контролирует бюджет Ливии. Поэтому он пытается выстроить параллельные экономические институты в Восточной Ливии.

Образование совместного комитета обороны между ЛНА, Временным правительством, восточным Центральным банком и Палатой представителей обеспечило доступ к средствам, получаемым в результате налогообложения и выпуска облигаций. Но их категорически не хватает.

ВНЕШНИЕ АКТОРЫ

Что может помешать Ливии договориться об условиях разделения полномочий и прекращения военных конфликтов? В первую очередь, внешнее вмешательство.

Если кто-то из участников ливийской игры, надеясь склонить чашу весов на свою сторону, попытается явным образом вовлечь в конфликт союзников извне, то это нарушит устоявшийся шат-

кий баланс и с новой силой разожжет гражданскую войну. В таких условиях появление на ливийской территории регулярных формирований или частных военных компаний третьих стран не может не настораживать.

Начиная с 2015 г., когда ЛНА начала получать из Египта устаревшее российское оружие, ее представители демонстративно подчеркивали «колоссальную роль» этих поставок для упрочения позиций ЛНА. Они явно играли на популярности России в стране после успеха РФ в Сирии. Но о прямой вовлеченности Москвы в гражданское противостояние речь не шла, несмотря на некоторые реверансы в адрес Хафтара.

Со своей стороны, ПНС официально обратилось за помощью к Турции на основании подписанного в конце ноября 2019 г. меморандума о военном сотрудничестве. ЛНА неоднократно обвиняла Анкару в поставках оружия и оказании другой материально-технической помощи ПНС в обход международного эмбарго, а также в переброске из Сирии в Ливию сотен наёмников, в т.ч. радикалов из группировки ИГИЛ.

Турция поддерживает ПНС, исходя как из политических, так и экономических интересов: Анкара намерена использовать свои отношения с Триполи, чтобы вновь заявить о себе как о крупной державе в Восточном Средиземноморье.

Президент Эрдоган заявил, что Турция продолжит поддерживать ПНС Ф.Сараджа в Ливии в случае провала переговоров по урегулированию в этой североафриканской стране. Турция ведет активные переговоры с ПНС о строительстве военной базы недалеко от Триполи. На базе планируется разместить турецкий спецназ и подразделения турецких ВМС, создать взлетно-посадочную полосу и оборудовать пункт связи. Кроме того, утверждается, что ПНС обсуждает с Анкарой покупку турецких военных самолетов и беспилотников. Турция перебросила в Ливию боевиков из других стран и заключила с ПНС первую сделку о поставках систем ПВО.

СИНТЕЗ ЛОКАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ: ЛИВИЯ И ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Связка двух опасных, затяжных локальных кризисов - ливийского и восточно-средиземноморского - в единый узел и неизбежное дальнейшее стягивание этого узла начались практически 27 ноября 2019 г., когда президент Турции и лидер ПНС подписали Турецко-ливийское соглашение о делимитации морских границ двух стран [19].

Этот документ соединяет эксклюзивные экономические зоны обоих государств таким образом, что способен фактически лишить все остальные страны с береговыми линиями в Восточном Средиземноморье - Египет, Израиль, Кипр, Ливан и Сирию - возможностей прокладывать мор-

ские трубопроводы от их побережий до ближайших средиземноморских государств Европейского Союза - Греции и Италии - без одобрения Турции и/или Ливии. Нынешняя тесная зависимость ПНС в Триполи от военно-политической и, возможно, экономической поддержки Анкары, дает веские основания предположить, что за Турцией, тем самым, закрепился бы статус важного регионального арбитра, транзитного «топливно-энергетического» и «транспортно-логистического».

Не обладая сколько-нибудь значительными доказанными национальными запасами углеводородного сырья, Анкара сумела бы оказывать решающее влияние на выбор маршрутов доставки природного газа по трубопроводам от богатых этим сырьем государств-экспортеров - Египта, Израиля и Кипра, к которым в перспективе могли бы присоединиться Ливан и с несколько меньшей вероятностью Сирия, до импортеров «голубого топлива» в Евросоюзе [20].

Суммарные возможные и вероятные ресурсы природного газа в прибрежных странах Восточного Средиземноморья и на принадлежащих им участках морского шельфа, пока что слабо исследованных, весьма приблизительно оцениваются в 122 трлн м³ [21], что сопоставимо с гораздо более надежными, доказанными «традиционными» запасами этого топлива у его крупнейших обладателей, включая Россию, Иран, Катар и ряд других государств [22].

Пока восточно-средиземноморский природный газ экспортируется из Египта преимущественно в сжиженном состоянии (СПГ) морскими танкерами. Поскольку мощности египетских комплексов по сжижению газа превышают экспортный потенциал египетских газодобывающих промыслов, Египет на договорных «комиссионных» условиях импортирует по трубопроводу часть «голубого топлива» из Израиля для его последующего реэкспорта [23]. Готовится к реализации также аналогичное соглашение между Египтом и Кипром. Такие возможности придают Египту важное значение логистического центра и посредника во внешнеторговых контактах между более новыми региональными поставщиками газа - Израилем и Кипром - и импортерами их продукции [24].

Взаимная заинтересованность служит основой также для более широкого сотрудничества, охватывающего страны Средиземноморья. Так, 16 января 2020 г. в Каире состоялась международная конференция Ближневосточного газового форума при участии 7 министров энергетики (Греции, Египта, Израиля, Иордании, Италии, Кипра и Палестинской автономии). Было принято решение преобразовать форум в международную организацию - Восточно-Средиземноморский газовый форум, а также утвержден ее статут [25]. В то же время участники организации намечают развивать и экспортную трубопроводную систему. Например, несколько ранее, 2 января 2020 г. Израиль,

Кипр и Греция подписали соглашение о строительстве магистрального транс-средиземноморского газопровода для поставок израильского и кипрского «голубого топлива» в Грецию, Италию, а возможно, и в другие страны ЕС [26].

Неудивительно, что все участники Восточно-Средиземноморского газового форума сугубо отрицательно оценили содержание упомянутого турецко-ливийского соглашения о делимитации морских границ. Это, в свою очередь, сблизило их позиции с противниками ПНС в Триполи. Так, Египет, уже давно поддерживающий власти Восточной Ливии и вооруженные силы ЛНА, получил для этого еще более веские основания. Министр иностранных дел Греции Н.Дендиас еще 22 декабря 2019 г. нанес визит в Бенгази, где обсуждал с главой восточно-ливийского «параллельного» правительства Абдаллой ат-Тани и его министром иностранных дел А.Хади Лахвиджем противоречия договора между Анкарой и Триполи, а также опасность турецкого военного вмешательства в Ливии [27].

В свою очередь, власти Восточной Ливии 4 января 2020 г. приняли решение о полном разрыве отношений с Турцией и об аннулировании заключенных с ней соглашений [28].

Наступление Хафтара также поддерживалось внешними силами, обеспечивающими его оружием и деньгами. Такая ситуация вызывает опасения, что ливийский конфликт перерастает в прокси-войну между внешними державами, стремящимися контролировать Средиземное море.

Основные сторонники ЛНА - Египет, Франция (до недавнего времени), ОАЭ и Саудовская Аравия. Главный военно-финансовый спонсор ЛНА - Объединенные Арабские Эмираты. Для ОАЭ и саудитов это во многом еще и принципиальное идеологическое противостояние, в т.ч. и с недавно возникшей «третьей силой», т.е. осью Анкара-Доха - «Братья-мусульмане». За спиной Хафтара стоит также Египет. Для него борьба с «Братьями-мусульманами», составляющими основу сил ПНС, - сверхважное дело, фактически часть идеологии нынешнего египетского режима. Поэтому египетский президент А.Ф.ас-Сиси будет поддерживать Х.Хафтара. Неудивительно, что ЛНА заявляла, что может потребовать прямого вмешательства вооруженных сил Египта.

В Ливии переплетаются как политические, так и экономические интересы международных акторов: страна рассматривается ими как часть экономического завоевания Африки. Так, эмиратская компания «Dubai Ports World», ведущий оператор портов, уже управляет объектами в Джибути, Сомалиленде и Алжире. Ливия после победы Хафтара может стать частью «жемчужной нити» Эмиратов на африканском побережье. Еще в 2016 г. ОАЭ создали базу «Хадим» на востоке Ливии. На ней размещаются не только китайские беспилотники *Wing Loong*, но и грузовые самолеты, пе-

реоборудованные для боевого применения. База также служила опорным пунктом для французских спецназовцев, выполнявших контртеррористические миссии в Ливии.

РОССИЯ И ЛИВИЯ

Российский подход к Ливии определяется сложившимся в этом государстве раскладом сил. РФ, целиком погрузившись в разрешение сирийского кризиса, видимо, не готова столь же глубоко участвовать в кризисе ливийском, но старается держать руку на пульсе, учитывая:

1) стратегическое значение Ливии как наиболее близкой к Европе крупной нефтегазодобывающей страны; 2) наличие стратегических портов, которые в перспективе могут быть использованы Россией; 3) прежние политические и экономические позиции в стране, которые могут быть восстановлены и расширены в плане торговли оружием и участия в добыче энергоресурсов, строительстве железных дорог; 4) отношения как с Турцией, так и с Египтом, ОАЭ, Саудовской Аравией.

Важное значение имеет Ливия и с точки зрения обретения дополнительных рычагов взаимодействия со странами Запада. Вступив в качестве силы, нацеленной на урегулирование ливийского конфликта, РФ показывает Европе и США, что ее «успех» в Сирии неслучаен. Как и в случае с Сирией, РФ утверждает в роли посредника. РФ старается поддерживать тесные отношения как с ЛНА, так и с ПНС и «бригадами Мисураты».

Конечно, исход ливийского конфликта не зависит исключительно от действий России, однако РФ способна содействовать достижению компромисса между сторонами конфликта. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря поддержке со стороны России Хафтару удалось заметно укрепить свои позиции в Ливии. И от РФ во многом будет зависеть и степень компромисса, на которую он будет готов пойти в переговорах со своими оппонентами. В результате, Европа все больше убеждается в мысли о том, что для решения ливийского кризиса ей предстоит вести переговоры с Россией.

Миротворческие усилия, предпринимаемые странами Европейского Союза, пока характеризуются несогласованностью и разобщенностью: в частности, оживившаяся в последнее время активность Италии, вспомнившей о своей роли бывшей метрополии, вызывает настороженность, а то и раздражение, например, у Франции. Экономические позиции Франции и Италии в Ливии требуют политического урегулирования, а значит - сотрудничества с РФ.

США пока воздерживаются от активных действий в Ливии. Но нельзя сбрасывать со счетов старые личные связи Хафтара с США.

Наконец, в отличие от сирийского кризиса, участие России в ливийском урегулировании пока нель-

зя назвать затратным для Москвы. Обозначение своих позиций в Ливии позволяет российскому руководству рассчитывать на то, что его интересы будут учтены в послевоенном развитии этой страны.

Если в 2014-2015 гг. РФ демонстративно активно взаимодействовала с Хафтаром, который подавал это взаимодействие в качестве «безусловной поддержки», то со временем внешнеполитическая линия на ливийском треке стала более сбалансированной, а интересы Триполи стали учитываться.

Ливийский трек важен для России в плане готовности продемонстрировать свои способности вести диалог со всеми акторами, включая светских либералов и исламистов. Военная поддержка Хафтара со стороны Москвы не была направлена против правительства Триполи и лояльных ему структур, с которыми у РФ налажен конструктивный диалог.

Прямой военной поддержкой Хафтара занимаются ОАЭ, Египет, спецназ вооруженных сил Франции (сейчас Париж отходит от этого) и ЧВК Эрика Принса. О поставках Россией оружия и боеприпасов ходит много слухов, но в реальности продажей военных грузов Хафтару под эмиратовское финансирование занимается Белоруссия, причем зачастую по государственным контрактам. Однако в 2017 г. стали фиксироваться поставки белорусского оружия не Хафтару, а его оппонентам в Триполи и Мисурате - молдавские самолеты с белорусским грузом летали в Митигу и Мисурату.

Внешне в российском подходе оставался определенный «прохафтаровский» ракурс, но РФ стала вновь более взвешенно подходить к своим заявлениям и дипломатическим инициативам на ливийском треке, избегая действий, которые могли бы быть восприняты как однозначная поддержка ЛНА. Более того, перед тем как Хафтар 12 декабря 2019 г. объявил о решающем, четвертом (и неудачном) наступлении на столичный город, РФ пригласила Ф.Сараджа на октябрьский саммит «Россия - Африка». В дальнейшем это можно использовать в ответ на обвинения о «прохафтаровском» крене Москвы. Логика понятна: кредит доверия командующему ЛНА, имеющему серьезные проблемы со здоровьем, имеет свои границы.

Официально РФ не готова занимать однозначную позицию на ливийском треке, но это не значит, что она не может расширять свое влияние за счет несистемных игроков, например, ЧВК.

БУДУЩЕЕ

Несмотря на предельную расплывчатость контуров будущего, не вызывает сомнений радикальный отказ едва ли не всех ливийских акторов от избыточно централизованной управленческой модели, которую внедрил в свое время режим Каддафи.

По крайней мере, такое единодушие можно считать принципиальной отправной точкой для выстраивания каких-то реалистичных планов. Более того, в кажущейся беспросветности ливийской ситуации - а по словам комментаторов, после Каддафи страна остается полем боя, на котором и огнем, и словом продолжают сражаться между собой «мириады» военно-политических группировок, - неспособность ни одной из сторон ливийского конфликта однозначно взять верх и подчинить себе остальных парадоксальным образом может способствовать умиротворению.

Будущему успеху урегулирования способствует и то важное обстоятельство, что ливийский раскол, в отличие от гражданских конфликтов в других арабских странах, содержит гораздо меньше ингредиентов, стимулирующих непримиримость и ожесточение. В Ливии антагонисты воюют друг с другом не ради утверждения лозунгов религиозного, политического или этнического свойства, а за прозаические, вполне «земные» вещи, которые можно потрогать руками: за долю в нефтяном пироге.

Довольно слабо в ливийской драме проявляет себя и голый трайбализм: несмотря на наличие на территории страны 140 племен и кланов. Сколько-нибудь заметным политическим «весом» обладают лишь около 30 из них, причем в реализации племенного или кланового влияния материальные выгоды давно перевешивают кровное родство.

Сложившийся в Ливии баланс сил не позволяет ни одной из основных противоборствующих групп добиться безраздельной победы военным путем. На сегодня страна крайне сегментирована и поделена местными игроками на своеобразные зоны ответственности - десятки ополчений по всей Ливии заявили о притязаниях на «собственные» кусочки ее территории, но при этом ни одна из этих зон не является *экономически самостоятельной*. Например, большая часть месторождений, нефтепроводов, а также нефтеналивных терминалов находится в сфере влияния Ливийской национальной армии (ЛНА). Однако, несмотря на то, что под началом Х.Хафтара сосредоточена самая крупная военно-политическая группировка, насчитывающая до 25 тыс. военнослужащих, ополченцев и наемников, а также имеющая, в отличие от конкурентов, внушительную авиацию, нормальная работа подконтрольной ему экономической инфраструктуры невозможна без договоренностей с иными внутрививийскими силами.

Распределение экономической власти оборачивается вполне ожидаемыми политическими последствиями. Именно в силу отмеченных особенностей нет серьезных оснований ожидать скорого полного распада ливийского государства, который предвосхищали специалисты после на редкость бесславного упразднения Ливийской Джамахирии и временами казавшийся неминуемым на фоне все новых раундов гражданской войны.

Анализируя многочисленные заявления о самоопределении, которые со времен «арабской весны» делали разнообразные местные элиты, нужно отделять друг от друга действительное стремление к административной авто-

номии и разговоры о ней, используемые здешними игроками в качестве рычага политического давления на своих контрагентов, будь то местные, региональные или международные партнеры.

Список литературы / References

1. Allahoum R. Q&A: What's next for Libya? www.aljazeera.com/news/2018/09/qa-libya-180909072236031.html (accessed 15.03.2020)
2. Libya crisis: Clashes erupt south of capital Tripoli. <https://www.bbc.com/news/world-africa-48000672> (accessed 15.03.2020)
3. Заключительные положения Берлинской конференции по Ливии. (Conclusions of the Berlin conference on Libya) (In Russ.). www.kremlin.ru/supplement/5471 (accessed 28.03.2020)
4. Совбез ООН утвердил итоги берлинской конференции по Ливии. (UN Security Council confirmed results of the Berlin Conference on Libya). ria.ru/20200213/1564630192.html (accessed 13.04.2020)
5. Mundy J. Libya. Cambridge: Polity Press, 2018.
6. Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
7. Issaev L., Zakharov A. Decentralization in Libya after the Arab Spring. *Middle East Policy*. 2020, № 1.
8. Мустафин Р. Столица и юг Ливии снова в огне. (Mustafin R. Capital and South of Libya in the fire again) (In Russ.). www.ng.ru/world/2019-01-17/6_7485_livia.html (accessed 25.03.2020)
9. Unifying the Libyan army: an Egyptian top priority. <https://www.egyptdailynews.com/detail/unifying-the-libyan-army-an-egyptian-top-priority> (accessed 13.04.2020)
10. Schnelzer N. Libya in the Arab Spring: The Constitutional Discourse since the Fall of Gaddafi. Wiesbaden: Springer VS, 2016.
11. Zurutuza K. Tebu Cultural Awakening: «We may not be Arabs, but we are Libyans». www.aljazeera.com/news/2018/10/tebu-cultural-awakening-arabs-libyan-181011085101279.html (accessed 15.04.2020)
12. Исаев Л.М., Захаров А.А. Анархия, нефть и федерация: Ливия после «арабской весны». *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2019, № 2. (Issaev L., Zakharov A. Anarchy, Oil, and Federation: Libya after the Arab Spring. *Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kulture*, № 2) (In Russ.)
13. Widdershoven C. Libya Is Facing A New Oil War. <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Libya-Is-Facing-A-New-Oil-War.html> (accessed 16.04.2020)
14. Slav I. Blockade Sends Libya's Oil Production Crashing Below 100,000 Bpd. <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Blockade-Sends-Libyas-Oil-Production-Crashing-Below-100000-Bpd.html> (accessed 07.04.2020)
15. Libyan Oil Production Falls Below 90k barrels per day. Statement from the National Oil Corporation (NOC). <https://www.libya-businessnews.com/2020/04/07/libyan-oil-production-falls-below-90k-barrels-per-day/> (accessed 17.04.2020)
16. Katona V. How Much Further Can Libya's Oil Production Fall? <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/How-Much-Further-Can-Libyas-Oil-Production-Fall.html> (accessed 15.04.2020)
17. Why did Haftar Turn Libya's Oil off? <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Why-Did-Haftar-Turn-Libyas-Oil-Off.html> (accessed 18.04.2020)
18. Кукушкин В.Ю. Северная Африка: «арабская весна» и перспективы модернизации стран-экспортеров углеводородного сырья. *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 8. (Kukushkin V. North Africa: «Arab Spring» and Perspectives of Modernization of the hydrocarbon exporting countries. *Asia and Africa today*, № 8) (In Russ.)
19. Butler D., Gumrukcu T. Turkey sign maritime boundaries deal with Libya amid exploration row. <https://www.reuters.com/article/us-turkey-libya/turkey-signs-maritime-boundaries-deal-with-libya-amid-exploration-row-idUSKBN1Y213I> (accessed 08.04.2020)
20. Turkish offshore gas deal with Libya upsets Mediterranean boundaries. <https://www.worldoil.com/news/2019/12/6/turkish-offshore-gas-deal-with-libya-upsets-mediterranean-boundaries> (accessed 16.04.2020)
21. USGS reveals Levant basin potential. <https://www.offshore-mag.com/geosciences/article/16795485/usgs-reveals-levant-basin-potential> (accessed 15.04.2020)
22. BP Statistical Review of World Energy 2019. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (accessed 12.12.2019)
23. East Med Forum Kicks Off in Cairo as Israeli Gas Starts Flowing to Egypt. <https://aawsat.com/english/home/article/2086896/east-med-forum-kicks-cairo-israeli-gas-starts-flowing-egypt> (accessed 01.04.2020)
24. Widdershoven C. Egypt Is Shaping Up to Become A Real Energy Hub. <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Egypt-Is-Shaping-Up-To-Become-A-Real-Energy-Hub.html> (accessed 10.04.2020)
25. Eastern Mediterranean Gas Forum to promote regional energy cooperation. <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/08/egypt-east-med-gas-forum-founding-members-meeting-israel.html> (accessed 10.04.2020)
26. Koutantou A. Greece, Israel, Cyprus sign EastMed pipeline deal. <https://www.reuters.com/article/us-greece-cyprus-israel-pipeline/greece-israel-cyprus-sign-eastmed-gas-pipeline-deal-idUSKBN1Z10R5> (accessed 10.04.2020)
27. Greek FM visits Libya amid Turkey tensions. <https://middle-east-online.com/en/greek-fm-visits-libya-amid-turkey-tensions> (accessed 08.04.2020)
28. Zaptia S. HoR cancels LPA, withdraws recognition of Serraj government, refers Serraj and Ministers to justice for treason, cuts relations with Turkey and annuls Libya-Turkish agreement. <https://www.libyaherald.com/2020/01/04/hor-cancels-lpa-withdraws-recognition-of-serraj-government-refers-serraj-and-ministers-to-justice-for-treason-cuts-relations-with-turkey-and-annuls-libya-turkish-agreement/> (accessed 08.04.2020)